

ИМЕНА В ИСТОРИИ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

Воспоминания современников

16 ноября исполняется 105 лет с того дня, как город Тара был освобождён от белогвардейцев. К этому памяtnому событию предлагаем читателю ознакомиться с воспоминаниями непосредственных участников тех трагических событий, которые предшествовали становлению советской власти в нашем районе.

Они были записаны в 1927 году, спустя несколько лет после Гражданской войны. Воспоминаниями о развитии партизанского движения в Седельниковском районе поделились Пётр Антонович Литвинов и тов. Хруцкий.

Небольшие зарисовки и обилие имён участников тех событий помогут читателю живо представить картины далёкого прошлого.

Публикация является продолжением материала «К истории профессионального движения в Тарском округе Сибирского края», вышедшего в XVII выпуске альманаха «Таряне»¹.

Вера Помыткина,

архивист I-й категории филиала

*Бюджетного учреждения Омской области
«Исторический архив Омской области»*

в г. Таре

Артём Избышев – красный партизан
(Из рассказов тов. Литвинова Петра Антоновича, крестьянина с. Седельниково Тарского округа, активного участника партизанского движения в Тарском округе)²

– Родился я в бедной семье крестьянина Антона Васильевича Литвинова, в с. Седельниково. Но отца в это время дома уже не было, его угнали на войну, откуда он больше

не возвращался. Мать, Аграфена Екимовна, осталась с двумя детьми и воспитывала нас своим трудом, занимаясь сельским хозяйством.

Здесь, в Седельниково, я и провёл своё детство. А как вырос, дошла очередь и до меня. 18 февраля 1917 года я также был призван на военную службу. Месяца два пробыл в Ленинграде (в то время в Петрограде), а после попал на фронт за Тарнополь³.

Вернулся домой в Седельниково 17 июля 1918 года и жил – до колчаковской мобилизации – дома.

У Колчака пробыл трое суток, в Омске, а потом самовольно ушёл вместе с другими 6 товарищами и вернулся вновь домой в Седельниково. Это было 28 августа.

Здесь также была колчаковская власть. Не понравилась она нам, и не скрывал я этого.

Прожил трое суток. А после, неизвестно, кто доказал колчаковской охранке, в то время её называли тоже милицией, что мы скрываемся и не хотим служить у Колчака.

Устроили облаву. Захватили меня и доставили в Тару. Но по дороге, в д. Кустак, я обманул сопровождающего меня десяцкого и бежал снова домой.

В это время Артём Избышев – тоже бедняк, недавно разделившийся со своим отцом и живший в полуразвалившейся избышке, был дома. Но спустя три дня его арестовали за политику и агитацию против белых.

А вся его работа сводилась к тому, что, будучи на фронте и набравшись новых коммунистических идей, он в с. Седельниково также стремился проводить советское начало. Организовал артель, для чего у частника Лоскутова Михаила отобрал маслоделку.

Помню, в эту артель охотно стали записываться все местные граждане. Не захотели лишь записаться кулаки Лоскутовы, Петров Иван, Сергей Избышев (бывший банкир).

¹ Тексты приводимых воспоминаний даются в соответствии с правилами современной русской орфографии и пунктуации, при условии сохранения стиля авторов. Сноски сделаны автором публикации;

² ТФ ГИАОО (филиал бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области» в г. Таре), Ф. Р-160 (Тарский окружной Совет профсоюза работников государственных учреждений Тарского округа Омской области). Оп. 1. Д. 48. Л. 149–173.

³ Город на западе Украины, административный центр Тернопольской области.

Они, видимо, пожаловались на Артёма Избышева. Заподозрили его белые в большевизме и 3 октября 1918 года арестовали.

Охранник Васильев Фёдор (тоже назывался милиционером) должен был его сопровождать.

Перед отправкой сидели в доме Избышева – Артём Избышев со своим отцом и женой. Тут же был и Васильев. А в это время брат Артёма Избышева лежал больной в доме отца – Ивана Васильевича.

– Послушай, Фёдор, – говорит он охраннику Васильеву, – ты посиди здесь, а я пойду проститься с братом. А то, кто его знает, может быть, и не увидаться нам больше.

Согласился Васильев, посочувствовал.

– Ладно, – говорит он, – иди, да только скорее.

Ушёл Артём Иванович Избышев, да так и не вернулся.

Долго ждали его отец Иван Васильевич и жена, а пуще того беспокоился Фёдор Васильев.

– Подумалось мне, – рассказывает отец Артёма Избышева, – в то время, что Артём задумал бежать. Сiju, а мысль из головы не выходит. Сказал я молодухе:

– Иди, посмотри, где он.

Ушла она, а через несколько минут вернулась. Сама бледная. Вижу я, дело плохо. Молчу. После Фёдору говорю:

– Послушай, Фёдор, у меня кони спутаны, а на улице подмерзает. Как бы ноги не испортили.

Ничего мне не сказал Фёдор. Я и пошёл. Коней распутал, прихожу домой, стал ложиться спать.

Слышу стук в дверь. А они уже его искали.

– Где Артём?

– Артём не таракан, в щель не залезет, – говорю я им, – ищите, не знаю, куда он мог деться.

Поискали, посмотрели, ушли.

А Артём Избышев, воспользовавшись этим случаем, – рассказывает тов. Литвинов, – бежал в д. Н.-Михайловку.

Оттуда он мне через Дубко Дмитрия⁴ (местного крестьянина) передал, чтобы я ехал в д. Куренгу – 100 вёрст от с. Седельниково.

Со мной туда же приехал Иван Седельников (впоследствии убитый белыми), Демид Моисеев (жил в с. Седельниково) (после он от нас ушёл по трусости).

13 октября мы приехали в д. Куренгу. Здесь также власть была в руках белых.

Артём был уже здесь. И нас оказалось 4 человека. Прожили мы здесь 2 недели у Антона Лесовского (местный крестьянин, 72 лет, расстрелянный белыми: семейство – жена и два сына, живы и сейчас).

Эти две недели Артём учил грамоте 6 детишек. Это делал он для того, чтобы не навлечь на себя подозрение властей, а вместе с тем принести пользу и местному населению, т. к. учителя здесь не было.

Но через две недели нам стали передавать, что нас ищут. И мы пошли в д. Н.-Михайловку.

Здесь остановились у братьев Дубко Дмитрия и Степана⁵ (Степан тоже убит белыми во время боя), Дубки с приходом колчаковцев тоже были арестованы и сидели в тарской тюрьме за то, что первые при Советской власти на выборных должностях Совета.

Приблизительно 10 ноября 1918 года мы сделали заседание, на котором присутствовали Артём Избышев, я (Литвинов), два Дубко, Абрамов Сергей⁶ (из д. Н.-Михайловки, крестьянин, который также шёл за Советскую власть, имел у себя коммунистическую литературу. Теперь он в Верхне-Удинске комбатом), Иван Седельников и Демид Моисеев. Артём Избышев на этом заседании говорил так:

⁴ Дубко Дмитрий Григорьевич из д. Ново-Михайловка, убит белогвардейцами (ТФ ГИАОО. Ф. Р-356. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.).

⁵ Дубко Степан Григорьевич из д. Ново-Михайловки, убит белогвардейцами (ТФ ГИАОО. Ф. Р-356. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.).

⁶ Сергей Васильевич Абрамов, р. 4 ноября 1888, Баевской волости, Горецкого уезда, Могилёвской губернии.

– Надо нам принимать какие-то меры. А лучше всего организовать отряд, для чего необходимо оружие. Конечно, оружие нам необходимо брать военного образца. А будет у нас оружие, тогда нам ихняя «милиция» нипочём будет. А если нужно, разобьём и их карательные отряды. Чем сидеть нам в одиночку и никакой помощи не оказывать друг другу, скрываясь, так лучше действовать заодно с красными.

– Правильно, – говорю я, нам это необходимо сделать. Да надо ещё в ночную пору оббежать тех ребят, которые так же, как и мы, скрываются. Они присоединятся к нам.

Дубко Дмитрий рассуждал так:

– Давайте, работайте, а мы будем во всём помогать вам. Тем более что с братом пока из подозрения вышли.

– Мне что-то страшно, – говорит Демид Моисеев, – как бы нам не погибнуть. Из-за нас могут пострадать и наши семейства.

– Всё это нам нипочём, – говорит ему Избышев, – мы должны защищать не свою шкуру, а всех рабочих и крестьян.

– Нет, я схожу домой, переговорю со своими.

Отпустили мы его.

– Иди, советуйся, но об нас ничего не говори. А вздумаешь – приходи к нам.

Ушёл Демид и не вернулся больше. Нас осталось 5 человек. В ту же ночь я поехал домой за лошадью. Дома мать стала говорить:

– Смотри, Петя, как бы за тебя не влетело.

– А ты им скажи, если спросят, что, мол, пришёл крадучись, взял лошадь и отправился.

Расстался с матерью и верхом на Гнедке снова отправился в д. Ново-Михайловку.

Взяли упряжь и короб у Дубко и вместе с Артёмом поехали на д. Эстонку (15 вёрст от с. Седельниково) к тов. Леоску (он тоже скрывался, не поехав на призыв. Теперь служит секретарём в седельниковской милиции).

– Что тебе скрываться дома. Едем к нам. Мы организуем отряд.

– Пока погожу. Есть у нас ещё два человека, скрываются. С ними переговорю, а тогда прибудем к вам все трое.

Мы ему адрес не сказали, поехали обратно в ту же ночь.

Два дня пробыли в д. Ново-Михайловке. Ездили к Абрамову за лесом. Он бондарил.

К этому времени из Омска приехал Максим Дубко с тов. Журовым Василием (они были вольные, не служили и приехали в гости).

Мы им рассказали наши намерения, и они согласились с нами во всём, остались. (Журов из д. Титлейк⁷, бедняк-батрак).

15 декабря мы устроили второе заседание. Артём говорил:

– Чем нам «милиции» бояться, давайте возьмём охотничьи ружья, поедem в с. Седельниково и возьмём у них ружья военного образца.

– Надо сначала узнать, где она расположена. А что кому делать, там будет видно.

Согласились на это все.

И вот, нас семь человек на двух лошадях, в санках, отправились в с. Седельниково. Быстро домчали нас кони.

Я остановился у Ивана Седельникова, а Артём и остальные – у отца Избышева.

Лошадей спрятали. Сутки прожили. На другие сутки слышим, охранка собирается ставить спектакль. И вот когда они (4 человека), ушли на спектакль, Артём Избышев пошёл к Федосею Полынскому, где они жили. Стал спрашивать у Федосея, где оружие.

– Оружие в канцелярии, – говорит тот.

Вернулся Артём, запряг свою лошадь, приехал к нам.

– Запрягайте скорее коня и айдате скорее к Полынскому.

На трёх лошадях мы, все семеро, въехали во двор к Федосею. Вышел он и говорит:

– Смотрите, как бы мне плохо не было. А то заподозрят, что я выдал, тогда не сдобровать ни мне, ни семейству.

– Иди домой и сиди вместе с семейством,

⁷ Деревня Тетлеик, Верхне-Баклянский сельский совет Седельниковского района Омской области.

а мы дверь твою завалим и окна закроем, чтобы не подумали на вас.

Ушёл он. А мы сломали замок в канцелярии, забрали оружие (12 шт. трехлинеек, 500 патронов, печати, бумаги и дела). Сложили всё в коробка и стали ждать хозяев со спектакля.

Наконец начальник и два охранника показались в воротах. Увидели, что во дворе лошади, видимо, догадались. Начальник и один охранник убежал, а Лопковский, пьяный, подошёл к воротам и кричит:

– Вы кто такие тут?

Прицелился Абрамов, выстрелил, и свалился он. Сняли с него шашку, револьвер и поехали снова в д. Ново-Михайловку.

На другой день в с. Седельниково приехал карательный отряд, человек 50, под командой Юрьева (эстонец). Стали вызывать всё население, со всех деревень.

На второй день все собрались. Крестьян выстроили на площади и стали грозить им расстрелами.

– Если вы не выдадите Избышева, – кричит Юрьев, – то через два – в третьего – будем расстреливать.

А из толпы отвечают:

– Увидим его, так сами поймаем, уж постараемся.

Приехали крестьяне в д. Ново-Михайловку, стали просить нас всем обществом.

– Хоть на время, а уезжайте от нас. А то, наверное, будут искать и, если вас здесь найдут, тогда и деревню спалят, и население не пощадят.

Всё это было у старосты Соловья в доме, куда нас и вызывали.

Вернулись мы домой, к Абрамову и решили так... Артём, я и Седельников должны были ехать в Куренгу, а остальные остаться в Ново-Михайловке.

В Куренге снова остановились у Лисовского. У него спрятали оружие и лошадей. Артём снова взялся за обучение детей, а я и Седельников помогали в работе

по хозяйству старику Лисовскому. Пожили полмесяца. Я и Седельников пошли в Ново-Михайловку к Дубко Дмитрию, стали советоваться, как быть в дальнейшем.

– Положение неважное – говорит Дмитрий, – все боятся, как бы не выдали. Придётся ждать весны.

Вернулись мы в Куренгу и рассказали всё Избышеву.

А в это время из Петровска приехала сестра Вейсера⁸, которая служила там писарем по найму от общества. А брат жил скрыто. Узнала она от Лисовского о нас и рассказала, что брат у неё также скрывается за политику. Оказалось, что Вейсерт приехал в Тару вместе с советским пароходом при отступлении из Омска, и также был против Колчака.

Познакомились мы с ней.

Артём наказал, чтобы Вейсерт приехал в Куренгу, и через неделю мы видели, кто такой Вейсерт.

– Есть у вас ещё там кто-нибудь? – спрашивает его Артём.

– Есть, но такие, которые могут ещё держаться.

В отряд он вступать не стал.

– Если нужно будет, я вам помогу. Но надо делать так, чтобы никто не знал, что я заодно с вами. Могу, когда что-либо потребуется, написать, изготовить ли документ, или ещё что.

Тут Артём попросил его изготовить паспорт, что позднее было сделано тов. Вейсерт.

Паспорт, как рассказывает тов. Вейсерт, был сделан на имя Митрофанова.

И вот Артём Избышев, уже будучи Митрофановым, поехал в Омск узнать, как там идут дела и нельзя ли достать оружие. Его отъезд был в феврале 1919 года.

Мы без Артёма Избышева

После отъезда Избышева Седельников остался в Куренге, а я поехал в с. Седельниково, повидался там с матерью и отправился

⁸ Юлийс Вейсерт («Партизаны», Ленинский путь, 10 октября 1987 г.).

в Тизес⁹ (30 вёрст от Седельниково) к тетке Еревиковой. Пробыл здесь трое суток. Она стала бояться розысков, и я снова вернулся в Седельниково к матери, где прожил ещё одни сутки.

В это время приехал в Седельниково Захаренко Григорий¹⁰, работавший в Омске в железнодорожном депо крестьянин д. Сухимки (20 вёрст от Седельниково).

Узнал он про меня, пришёл ко мне и говорит:

– Давай, брат, собирай своих ребят, и поедем в д. Сухимку, будем пока жить там. А то здесь вляпаешься и пропадёшь ни за грош, ни за копейку.

Оказалось, что он также сбежал из Омска ввиду подозрения его в подпольной работе.

В тот же вечер я вместе с ним поехал в Ново-Михайловку к Дмитрию Дубко, взяли его с собой и отправились в Сухимку. Дубко после вернулся в Михайловку, а я вместе с Захаренко остался в Сухимке до весны.

В Сухимке стали белые проводить мобилизацию. Хотели взять Небрадовского Николая (умер в 1920 году) и Захарова Терентия (живёт сейчас в Сухимке). Они пришли советоваться к нам.

– Ну, Петро, как нам поступить, советуй. Если нам не пойти, то семейство пострадает.

– А вы не бойтесь. Помогать белым не годится. А может, и семейства не пропадут, если с нами будете, и сами живы останетесь.

Согласились они и присоединились к нам, и стали скрываться от белогвардейцев вместе с нами в лесу.

Так отряд наш постепенно организовывался и увеличивался.

Облава белых на партизан

В апреле 1919 года Артём Избышев из Омска вернулся в Ново-Михайловку. Пробыл он там два дня вместе с Журовым и Максимом Дубко.

И вот сюда приехали казаки во главе с начальником охраны Рязановым и казачьим офицером, всего до 18 человек. Стали партизан искать.

Дубко Дмитрий и Степан, узнав о казаках, убежали, а Максим Дубко остался с Артёмом в их доме.

Вошли казаки и стали обыскивать дом. А в это время Артём с Максимом сидели в подполье.

Взял один из казаков бересту, зажег её и бросил в подполье, а дочь Дубко, Анютка (14 лет), стала их останавливать:

– Почто так делаете, ведь избу-то сожжёте. Искать ищите, а зачем так-то делать.

Закрыли они подпол, стали снова шариться. Сняли со стены бинокль Артёма, из-под подушки взяли его наган и пошли к Абрамову.

Абрамова дома не было. Стали тогда они допрашивать его жену и детишек.

– Не знаю, где он, ищите сами, а я за ним не хожу.

– А, вот ты как, – не понравился, видно, им простой ответ крестьянки Анны Абрамовны. Схватили они её, разложили на скамейку, стали нагайками бить, а сами приговаривают:

– Врёшь, скажешь, где.

А она так и не сказала, потому и сама не знала, где был Сергей.

Ушли, после уехали в Седельниково.

Одного потеряли

Собрались Дубко Дмитрий, Степан и Максим, Журов, Артём и Сергей Абрамов и поехали в Сухимку. А оттуда 25 апреля, взяв оружие, вернулись в Ново-Михайловку.

Вспомнил Артём, что в Седельниково оставлены винтовка, две бомбы и 45 патронов.

– Эх, достать бы их,годились бы они сейчас.

А Седельников и говорит:

⁹ Село Кейзесс Кейзесского сельского совета Седельниковского района Омской области.

¹⁰ Захаренко Григорий Тимофеевич (ТФ ГИАОО. Ф. Р-226. Оп. 2. Д. 223).

– Я пойду и всё достану.

– Только пока надо погодить всё-таки: там полно белых. А вот когда они выедут куда-нибудь, тогда поедешь, – уговаривал его Артём.

– Мне нипочём, я проберусь и сумею всё достать, – не унимался Иван Седельников. Уж больно, верно, хотелось побывать ему в Седельниково.

27 апреля в 12 часов дня он отправился в дорогу. Ночью добрался до Седельниково и остановился в своём доме. Забрал оружие, погостил три дня, во время которых хранился в овине, на задах своего дома.

Но вот кто-то доказал, и белые приехали за отцом Седельникова. Стали его бить. А после увезли в волость (сейчас там суд), стали бить шомполами. Не подействовало и это на старика Седельникова. Тогда его повели расстреливать и спрашивают:

– Скажи, где твой сын. Скажешь, будешь живой.

Побоялся, видно, старик Афанасий смерти...

– Мой сын, – говорит он, – на овине у соседа Крупиянского...

И расстреляли старика Афанасия... На поле.

После оцепили овин Крупиянского, взяли Ивана Седельникова и повезли в ходке. Двое держали за волосы, а двое били – прикладами и плетью.

– Где отряд Избышева?

– Бейте меня, но я не выдам его.

Вывели Ивана на площадь, подошёл к нему подполковник, прицелился и снова спрашивает:

– Где отряд?

– Стреляй, не спрашивай.

И подполковник два раза выстрелил в лоб. Но Седельников ещё стоял на ногах. Стали его тогда колоть штыками и свалили. Обо всём этом мы узнали на второй день от приезжих новомихайловских крестьян.

Отряд растёт и крепнет

Нас было сначала 11 человек. Этого было мало, чтобы можно было вести военные действия. И вот мы Дубко Максима и Гурова Василия командировали в д. Эстонку (15 вёрст от Седельниково) за скрывающимися. А их оказалось там 6 человек: Лагздин Иван (сейчас председатель сельского Совета в Ново-Уйском), Метус Оскар (из Кейзесса, избач, сейчас в Омске на курсах), Леоск Иван¹¹ (милиционер в Седельниково) и др. Прибыли они к нам, и стало нас 17.

На второй день после этого к нам пришли два добровольца: Яким Мулек (сирота татарин, пастух 14 лет, работал пастухом в д. Шайтанка) и Яким Курчавов¹² (18 лет, сейчас живёт в д. Ново-Михайловке в выселке).

– А вы зачем, – спрашивает их Артём, – ведь вы ещё молодые.

– Хотим вам помогать. Колчаковцы ездят да страшат расстрелами. А мы не хотим, чтобы нас невинно расстреливали. Уж если погибать, то уж лучше с вами.

Стали они просить винтовки, но им не дали.

– Надо сначала научиться, а потом и вы получите.

Стали с тех пор обучать всех, кто ещё не умел обращаться с винтовкой.

И силы свои попробовали

Кончили двухнедельное обучение, слышим, опять казаки приехали. Начали они снова избивать крестьян, женщин и мужчин.

Помню, как сейчас, сидим мы часа в три дня у опушки леса. Смотрим, а по дороге что-то мельтешит, словно какой-то зверёк бежит. Ну, и на зверька не похоже. Вот и ближе. Стало ясно. Оказалось, Маруся (дочь Дубко Дмитрия), 9 лет. Идёт она по тропинке, еле видно. После подошла к отцу, глазёнки растерянные, на ухо шепчет ему:

¹¹ Леоск Юган Прокопьевич, 1900 г. р., пос. Эстонка Седельниковской волости Тарского уезда (ТФ ГИАОО. Ф. Р-126. Оп. 2. Д. 577).

¹² Аким Тимофеевич Курчавый, р. 26 сентября 1900, д. Кяты Руднятской волости Городетского уезда Витебской губернии (ТФ ГИАОО. Ф. Р-112. Оп. 2. Д. 259).

– Казаки приехали, опять всех бьют.

Собрались мы тогда, 14 человек: трое Дубко, Журов, Лагзин, Артём, Захаренко, Леоск и я, и др., и отправились прямо на д. Никифоровку, следом за уезжающими казаками. Но в Никифоровке казаков мы не настигли. Отправились за ними дальше, на эстонские хутора Араукинские (4 версты от Никифоровки). Здесь казаки расположились на ночлег.

Не стали мы их здесь трогать. А встретившиеся нам никифоровские ямщики, отвозившие их, рассказали, что они собираются наутро поехать в д. Сухимку, – сжечь два дома, – Захаренко и Хвощева Семёна, за связь с партизанами.

Вышли мы на Сухимскую дорогу и в двух верстах от хуторов расположились цепью. С нетерпением ждали наши ребята наступления утра. Но казаки после побоев крестьян, видимо, не могли нанежиться в постели. И только в 8 часов утра на дороге появились казаки. Впереди ехал начальник и казачий офицер, а сзади 18 казаков. Стали равняться с нами. Избышев скомандовал:

– Товарищи, залпом огонь!

Грянул залп. Казаки, как горох, рассыпались. Поручика и начальника охраны убили, убили несколько человек казаков, некоторых поранили.

Выбежали мы из кустов, стали вдогон стрелять. А потом забрали всё оставшееся оружие, два ящика патронов, что-то до 16 винтовок, 4 нагана, 4 браунинга, забрали и амуницию и тут же отправились в Сухимку.

Попили там чаю и вернулись снова в Ново-Михайловку.

Сухимские собрали после трупы в одно место. На третьи сутки, приблизительно, после боя, ездил в с. Седельниково крестьянин Рублевский и, через жену Дубко Дмитрия, Авдотью, передал нам следующее:

– Из Тары приехал новый отряд белых до 130 человек, под командой Рубцова. Они

разыскивали где-то своих, а после занялись допросами родственников партизан. Жену Избышева, мою жену, мать и мать Седельникова стали допрашивать с побоями и угрозами расстрелять:

– Где они находятся?

– Не знаем, – один у всех был ответ.

Арестовали их, сначала держали при волюти, а после отправили в тарскую тюрьму.

Партизаны в офицерских мундирах

После того как разбили казаков, настало временное затишье, которое продолжалось с неделю. В это время и к белым в Седельниково ещё прибыло пополнение, и они расставили свои отряды в урмане по всем деревням.

Нам выхода из урмане не было, и мы находились в лесу, близь Ново-Михайловки.

Меня и тов. Фриде (который пришёл к нам вместе с Лагзиным¹³ и Леоском) послали в Егорьевскую¹⁴ волость (теперь Екатерининского района).

Мы отправились до Унары пешком, а в Унаре, будучи одетые в офицерские мундиры, на ямщике поехали в Егорьевку¹⁵, где было два охранника. Проехали 45 вёрст. В Петровске, где скрывались Финдер Андрей и Уваров Андрей, заехали к немцу Ивану на хутор.

Но Иван меня узнал. Стал было расспрашивать. Крыть было нечем, и я признался. Он же, когда пошёл наряжать подводу, дал знать об этом в Егорьевку. А оттуда донесли в Седельниково Рубцеву.

Там, было, предположили, что мы разбежались, почему и переодеваемся в офицерские мундиры. Но, однако, тут же в Куренгу был послан отряд в 40 человек.

В это время я вместе с Фриде находился также здесь, и скрывались мы у Лесовского. Дом Лесовского бандитами был внезапно оцеплен. Я убежать не успел. И, когда меня хотели взять белые, стал отстреливаться

¹³ И. А. Лагзин.

¹⁴ Егоровскую.

¹⁵ Егоровку.

и убежал. Бежали также в лес Винбер и Уваров.

Белые забрали старика Лесовского, его жену и ещё двух граждан. Жену и двух крестьян допрашивали, они сильно их били. Лесовского же повезли с собой.

После он вместе с Винбером и Уваровым был расстрелян в Таре. Их, как оказалось потом, после бегства из Куренги, настигла застава белых.

Связались с кыштыкскими¹⁶ партизанами

(Кыштовка Малокрасноярского района Красноярского округа)

Спустя неделю после боя с казаками к нам из кыштыкского отряда приехал посланник – тов. Рассказов Константин. Слышали мы и в мае, числа 10, что они наступали на Кыштовку. Рассказов привёз письмо от командира своего отряда – Гетмона Владимира, который писал так:

«Нужно нам держать связь, уведомлять друг друга о месте расположения своих отрядов и, в случае, оказывать друг другу помощь».

С Рассказовым мы в тот же день кыштыкскому отряду послали своё приветствие, где писали расположение своего отряда, указывали условные знаки.

На третьи сутки после этого тов. Рассказов приехал снова.

– Мы, – рассказывает он, – сделали у себя мобилизацию, а теперь двигаемся в сторону Седельниково. Готовьтесь и вы, да напишите, какие силы у белых.

Написали мы обо всём, и даже о том, как лучше повести наступление на Седельниково, и когда можно будет лучше Седельниково охватить.

Красные партизаны продвигаются вперёд

Отряд партизана Избышева также пошёл в наступление на Седельниково.

Надо сказать, что после успешного боя с казаками наш отряд приобрёл у местного населения хороший авторитет, уважение. Появились новые желающие поступить в наш отряд. Имело значение и то, что в это время шли усиленные расстрелы и издевательства белых над крестьянами.

Шли мы от Седельниково через д. Евлантьевку, где присоединился к нам Столбов Иван (бывший солдат, расстрелянный белыми), и ещё один, потом через д. Тамбовку. Здесь присоединилось 6 человек: Ситников Пётр¹⁷ (сейчас живой, живёт где-то за Омском), Ситников Степан¹⁸ (солдат, во время восстания поехал в Муромцево и потерялся без вести), Волков Степан (солдат, расстрелянный белыми), Ситников Андрей (солдат, живёт и сейчас в Тамбовке). В д. Львовке присоединились к нам трое: Седельников Трофим (умер), Седельников Никита (жив), Пугачев Пётр. В д. Михайловке присоединились также трое: Букарев Степан (расстрелян белыми), Кравчук Андрей (жив, в д. Михайловка), Дивин (жив, в Омском депо). В Кустаке присоединились четверо: Березнев Пётр (жив, в Кустаке), Чистоусов Пётр (уехал в Омск), Амосов Семён¹⁹ (жив, в Кустаке) и другие.

Через полтора суток кыштыковцы подошли к Седельниково в 5 часов вечера. 6 июля кыштыковский отряд стал наступать на Седельниково с одной стороны, а мы, в количестве 32 человек, стали наступать со стороны Тары.

В это время в Седельниково белогвардейцев было 282, во главе с Буслаевым поручиком и Рубцевым.

¹⁶ Кыштовскими.

¹⁷ Ситников Пётр Харитонович, р. 21 декабря 1895, д. Тамбовка Седельниковской волости Тарского уезда (ТФ ГИАОО. Ф. Р-126. Оп. 2. Д. 907).

¹⁸ Ситников Степан Маркович из д. Тамбовки, убит в красноармейском партизанском отряде (ТФ ГИАОО. Ф. Р-356. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.).

¹⁹ Амосов Семён Васильевич (Андреевич), 1891 г. р., д. Кустак Седельниковской волости Тарского уезда (ТФ ГИАОО. Ф. Р-126. Оп. 2. Д. 90).

Кыштыковцы в количестве 150 человек с винтовками и почти столько же человек с охотничьими ружьями пошли в атаку. По деревне открыли стрельбу.

Белые, не приняв бой, побежали в сторону Тары и в одной версте от Седельниково наткнулись на наш отряд.

Шли они, рассыпавшись в цепь.

Увидев их, мы открыли огонь. Убитых было один с их стороны и один с нашей стороны (Иван, крестьянин из Тамбовки, фамилию не помню).

Белые бежали через реку Уй, а 85 человек мы захватили в плен. Пленные оказались по преимуществу мобилизованные. Их после раздали крестьянам для полевых работ.

Ночь побыли в Седельниково, а утром собрались все на площади, разделились на группы, распределили фронт по участкам и вскоре отправились на Тару.

К вечеру в тот же день на подводах мы добрались до с. Екатерининского. Вышли на берег.

Как раз в это время из Омска шёл пароход-разведка, который был пустой (кажется, «Мельник»), с пароходом была баржа. Начали его обстреливать.

– Причаливай к берегу! – кричали ему.

Наконец пароход причалил, но на нём никого, кроме матросов, не оказалось.

– Были солдаты, – говорят они, – да выгрузились в Евгацино, а нас отправили в разведку.

Они пустили пароход, и он с баржей ушёл. В тот же день, ночью, 60 человек из нас отправились на Усть-Тару, где находился и я.

На второй день, утром, сюда пришёл пароход, кажется, «Тоболяк», а потом солдаты и лошади.

Человек 20 выгрузились, а мы в это время сидели в засаде, в роще.

Из секрета начали по ним стрелять. Двоих убили, четырёх взяли в плен, а остальные забежали на пароход, который двинулся обратно на Омск.

На следующий день, к вечеру, пришёл пароход «Ольга». На нём было два пулемёта, трёхдюймовое орудие и команда солдат. Около Усть-Тары они сделали три оружейных выстрела.

Наши молчали. Тогда они пошли к Екатериновке. Начали обстрел и там. А за ними шёл второй пароход с двумя пулемётами. Причалили к Усть-Таре белогвардейцы, под прикрытием пулемётного огня выгрузились. Их было до 100 человек.

Когда же мы открыли огонь, то они не выдержали, погрузились на пароход и поехали к Екатерининску²⁰. Часа полтора они обстреливали Екатерининск, а после подались в Омск.

Гибель Артёма Избышева

На 6-е сутки после занятия Екатерининска до Артёма дошли сведения, что в Седельниково не всё благополучно. Необходимо было там прикрыть оружейную и сапожные мастерские, для чего и поехал туда Артём Избышев.

В это же время на Усть-Таре, так рассказывает тов. Леоск, остался командиром тов. Абрамов, помощником его Дубко Максим, а секретарём – я (Леоск). К нам из Седельниково Артём прислал письмо, в котором писал, чтоб берегли патроны, и, если нужно будет, то чтоб отступали в Седельниково как можно аккуратнее.

В это время белогвардейская банда, возглавляемая Франком, в количестве 400 белогвардейцев через Атирку шла на Седельниково.

А в Егоровке был небольшой отряд партизан, во главе с тов. Новиковым (сейчас пред. РИК в с. Рыбинском²¹) и Лагздиным. В отряде было человек 30. Большинство – мобилизованные – крестьяне, вооружённые дробовиками.

Встретив банду белых, они их обстреляли у Егорьевки. А после, у д. Унары, соединившись с унарцами, дали бой на берегу

²⁰ Село Екатерининское.

²¹ С 1933 г. – село Большие Уки.

р. Уй, но удержать Франко им не удалось. Наших здесь погибло много. Некоторые попали в плен и были расстреляны.

Из Унары, на второй день по приезде Артёма Избышева в Седельниково, белые пришли сюда.

Артём в это время сидел у дяди (который живёт рядом с его отцом), сидел и пил чай.

Разведчик Артёма Избышева Будкин Иван (сейчас живёт в Омске), захваченный отрядом Франко по дороге, указал дом, где находился Артём.

Белые открыли по этому дому стрельбу. Артём стал отстреливаться. Во дворе двух человек убил наповал. Стрелял из комнаты и трёх ранил.

Наконец у Артёма в браунинге остался всего лишь один патрон. Он выбежал на задний двор, заскочил на лошадь, но лошадь под ним убили и его ранили в ногу. Артём, несмотря на это, хотел бежать, но, будучи тяжело раненным, был не в силах, и успел лишь взобраться на крышу бани, где и закончил последней пулей с собой. Но белые, думая, что он ещё живой, подошли к бане и стали стрелять уже по убитому.

Это было 15 июля (по старому стилю).

Вынули белые Артёма с крыши, повезли на лошади к церкви – напоказ всем.

После этого взяли его дядю Прокопия Избышева, в доме которого он находился последний раз. Повели его также на площадь, избили всего. А полковник Франко вёл допрос:

– Почему ты его прятал у себя в дому и нам не выдал?

– Что я мог с ним сделать, – проговорил тот, – он пришёл вооружённый, что я мог с ним поделаться? Сидели, пили чай, вот и всё.

Вывели Прокопия Избышева на берег реки Уй под ёлки, – это что под горой у церкви, и здесь колчаковцы расстреляли его.

Узнали и в отряде о потере тов. Избышева

Послали мы связь из Усть-Тары в Седельниково. Но связь не возвращалась.

Тогда я сам (Литвинов) поехал в Седельниково, а остальные партизаны пошли в лес.

Прибыв сначала в Михайловку и встретив старика Губина, стал его спрашивать о том, что творится в Седельниково. А он говорит:

– Настоящее не знаю. А по слухам, Артёма убили и Седельниково целиком в руках белых.

Досадно мне стало, больно. Взял я дружную лошадь, стал подъезжать к Седельниково, на поле встретил Булдакова Гавриила.

– Ну как в Седельниково-то? Неужели у вас здесь белые осели?

– И не говори, Петро, – стал он мне рассказывать, – Избышев убит, а белых в Седельниково полным-полно.

Вернулся я в тот же день в Усть-Тару и рассказал обо всём. После сообщили в Екатеринбург тов. Захаренко, который также находился там с отрядом.

Потеря вождя сказала на настроении партизан

Узнав о том, что белые находятся у нас в тылу и что Артём Избышев погиб, некоторые приуныли. Видя это, командир отряда тов. Абрамов сделал общее собрание, на котором стали совещаться.

Наконец тов. Абрамов говорит:

– Кто хочет, тот пусть едет с нами. А кто не хочет, может идти домой.

И вот с нами осталось всего лишь 25 человек, правда, все на лошадях, хорошо вооружённые. У мобилизованных, которые пошли домой, оружие отобрали.

И только мы отъехали 4 версты на Бешметовские хутора, как сзади нас белые открыли орудийный огонь.

Не хотел верить рассказам о гибели Избышева

Уж больно дорог был Артём Избышев для Дубко Дмитрия.

– Как же, вместе прошли весь урман, терпели нужду, голод, холод, вместе боролись за хорошее будущее, и вдруг потерять такого товарища, да ещё вождя.

– Я поеду и сам узнаю, – говорит Дмитрий Дубко.

Видя его сильное желание, не стали его удерживать. И тут же он отправился – через д. Черноярку и д. Кайбабу, взял там ямщика, чтобы ехать в Седельниково.

– Не ездь туда, Дубко, – говорит ему крестьянин Кернозик Алексей, а он залез в ходок и одно себе:

– Не верю я этому, давай, ямщик, погоняй.

Ну вот и Седельниково, приехали. Кругом стоял караул.

– Что мне караул, – подъехали ближе к караулу. Он закричал на них:

– Сдавайтесь без боя! – и это в 30 саженях от них.

Выскочил из телеги, стал стрелять по караулу. И по нему стали стрелять. Так и убили Дубко.

От наступления

на время пришлось отказаться

Кыштыковцы после ухода из Екатерининска пошли в свой Кыштыкский район.

Через два дня мы пришли в Сухимку²². Верстах в трёх от деревни собрались все 60 человек и стали советоваться. Пришли к выводу, что ввиду малочисленности надо стараться растянуть фронт белых и тем самым отвлечь их силу от красных.

Франк со своей бандой уехал в город.

Белые ликуют и бесчинствуют²³

С приездом в Тару Франко со своей бандой белые в городе устроили пирушку. А заслуженных бандитов-белогвардейцев награждали.

После же начались жестокие расстрелы.

Однажды, в конце июля 1919 года, часа в 2 дня, я шёл с мельницы. Смотрю, на улице большая толпа зевак, человек 50. Женщины плакали, а в толпе шёл разговор:

– Четыре человека повели расстреливать.

– А за что?

А один из них, словно в ответ, кричал:

– Всех нас не расстреляют. Нас много. Будет время, придут наши товарищи и с вами за всё расплатятся.

Жутко было. Пошёл я домой, но не дошёл до дома, как услышал выстрелы. После я узнал, что по доносу расстреляли евгашинского учителя тов. Просвирякова²⁴, которого выдал, как большевика, родной брат. Один из них был мальчик, а третий, кажется, дьякон.

Слышал я также, что шли расстрелы в урмане, так д. Калтук всю разбили и выжгли.

В Нижне-Колосовском районе расстреляли человек 30. Шли расстрелы и в других местах.

А в урмане партизаны снова объединялись²⁵

До 6 августа мы простояли в лесу. А к этому времени из Тары в Седельниково пришёл новый отряд белых. Мы после совещания разделились на три группы: Абрамов, Дубко, Литвинов и др., – всего человек по 17, и пошли в Михайловку.

Леоск, Лагздин, Югансон и др. – всего 11 человек заняли лес за эстонскими хуторами. Третья группа с тов. Осипюк – всего 30 человек, пошли в сторону Куштовки к тов. Герман.

Все мы вели между собою связь, а среди населения агитировали за красных.

О работе партизанских отрядов в это время тов. Леоск рассказывает следующее...

В эстонской группе был у нас тов. Маран Юлиус. Когда мы стояли в лесу близ хуторов, он пошёл однажды вечером на хутор, чтобы помыться в бане, и там остался спать у моего отца Леоск в сарае.

Наутро же сюда пришел карательный отряд белых. Узнали о тов. Маран, захватили

²² Деревня Сухимка Евлантьевского сельского совета Седельниковского района Омской области.

²³ Записано со слов тов. Хруцкого.

²⁴ Дмитрий Иванович.

²⁵ Рассказ тов. Литвинова.

его и позднее в Седельниково расстреляли. В тот же раз взяли других крестьян-эстонцев и русских, как, например, тов. Аусмид, Покс Виктора и др., которые также были расстреляны.

Прошло ещё около трёх недель. Наконец гетманский отряд – куштыковцы и михайловские – договорились, соединили свои отряды, пришли к ним и эстонцы.

И вот, в конце июля, когда в Седельниково приехал новый отряд белых, они направились в Верхне-Баклянку и расположились там, в доме псаломщика, а нас караулили на берёзках. Не идут ли, мол, партизаны.

Я (Леоск), Курчавый, Дубко и Журов пошли в разведку в дом Курчавого, который был в Н.-Михайловском выселке. Здесь мы узнали, что отряд будет стоять долго и искать в лесу нас.

После этой разведки было решено сделать наступление на Верхне-Баклянку, чтобы разбить белых.

Ночью, с началом рассвета, окружили мы дом псаломщика, убили их часового, сделали перебежку и начали обстрел. Белые, почти раздетые, повыскакивали и бежали, оставив нам оружие и обмундирование.

Убили мы человек 7, многих ранили и взяли одного офицера в плен. Этот выдавал сначала себя за простого рядового, а когда мы присмотрелись к нему, спрашивали, то убедились, что он был не простой рядовой, а офицер. На фуражке нашли также у него скрытую офицерскую кокарду. После расстреляли его.

Между тем из Седельниково в Верхне-Баклянку приехали и остальные 30 бандитов. Но мы их не застали. О партизанах они расспрашивали попа Попова:

– Сколько их было? Много, поди?

– Сильно много. Трудно было сосчитать.

И белые ушли. А наш отряд снова стал расти и с каждым днём крепнуть.

Вторичное наступление на Седельниково²⁶

Наконец наш отряд настолько окреп, что мы решили снова наступать на Седельниково. Всего нас было 63 человека.

В 3 часа утра 8 августа, во время сильного тумана около Седельниково мы расположились тремя группами: 30 человек со стороны больницы, от реки Исас, вторая – у полевых ворот в 14 человек, и остальные на тракте к г. Таре – 25 человек.

Первое отделение открыло огонь. И белые тут же стали садиться на подводы и отправляться в сторону Тары, а в сторону Тары послали разведку. Третье отделение разведку обстреляло, двух человек ранило, а остальные остались в Седельниково и сделали засаду по домам.

Мы послали разведку из трёх человек в село, узнать, там они или ушли. Пошёл я (Литвинов), Захаренко и Парменко Пётр (умер). Белые открыли огонь, и мы убежали.

Первое отделение послало в разведку Степана Дубко, Артёма Акмалинского, Ивана (фамилию забыл).

Степана Дубко белые убили. Убили Ивана. Оружие с них сняли. У белых в то время в Седельниково был во главе охранник Скуратов (скрывается он где-то и сейчас).

Собрались мы снова уже все вместе, попытались было прорваться в Седельниково, но не могли, и нам пришлось отступить. А отступая, задержались на площади у церкви. Узнал я тут, что жена моя живёт у кулака в батрачках (это у Сергея Избышева). Заехали мы к нему. Взял я свою Ксению Тимофеевну, и увезли мы её с собой в урман. Рассказала она после о том, как она вместе с матерью и женой Избышева сидела в тарской тюрьме. Выпустили их из тюрьмы лишь после смерти Артёма Избышева.

– Если будете получать письма от своих, – говорили им белогвардейцы, – так передавайте их скорее нам.

– Ладно, – сказали они им, – ждите, получите.

²⁶ Об этом рассказал тов. Литвинов.

А сами не чаяли, как бы скорее вырваться из их лап.

В сухимских лесах

В сухимских лесах пробыли мы с месяц. 9 октября соединились с куштыковцами (которых было 240 человек) и поехали в д. Корулинку²⁷ (20 вёрст от Сухиновки²⁸), а в д. Сышиково (10 вёрст от Седельниково) послали разведку. Разведка по дороге встретила белых.

Наши кинулись обратно. Но белые нагнали на переезде через р. Уй. Стали мы обстреливать белых. Но наши кинулись не через перевоз, а вплавь. Белые этим воспользовались, рассыпались в цепь (а их было 180 человек, при двух пулемётах), и стали они стрелять.

Мы тоже рассыпались в цепь. Одна лошадь переплыла от них к нам с седлом. Одного у нас убили. А нами было убито 9 человек и 4 ранено.

Настала ночь, и повалил снег. Белые стали отступать в Тару, а мы в Медельский посёлок.

В это же время белыми по деревням было разослано распоряжение: предоставить каждому хозяйству имеющиеся подводы.

Мы эти пакеты перехватывали, а крестьянам говорили, чтобы они подвод не давали.

— Да как же не дать...

— А так. Верно, им стало туго. Они хотят отступать. Вот им и понадобились подводы. А эти подводы они могут угнать, — объясняли мы крестьянам, — пушай едут сами на своих.

Некоторые поехали в Тару с подводами, а многие остались.

Перед приходом красных²⁹

В первых числах октября в Тару пришла пепеляевская банда (Пепеляев — помощник Колчака) и так называемая Воткинская дивизия. Расположились по квартирам. У граждан стали производить грабежи. Избивали рабочих. Казалось, нельзя было свободно вздохнуть.

В начале ноября они пошли в наступление, а через несколько времени опять отступили. Слышно было, что их настигает Красная Армия. Рабочие и крестьяне ожили и стали ждать красных. Стали разваливаться и белогвардейские отряды, так как и оттуда спровоцированные рабочие и крестьяне, и насильно мобилизованные начали уходить.

Когда белые уходили из Тары, они грабили всюю, отбирали хлеб, одежду, скотину и всё, что попадало на глаза.

Вот что об этом же самом рассказывает тов. Пахотных Иван. Пронёсся слух в Таре, что Екатеринбург занят советскими войсками. Настроение рабочих и крестьян стало приподнятым. Начали ждать прихода красных. А когда красные войска заняли г. Тобольск, а белые отступили в Тару и начали здесь безобразничать, то пошло явное недовольство белыми. Говорили открыто:

— Хоть бы скорее приходили красные и наводили порядки.

Буржуазия приуныла. Воспрянули белые, когда красным пришлось от Тобольска временно отступить, и когда проездом из г. Омска в Тобольск в Таре был Колчак. Но скоро Тобольск снова был занят красными.

Тара снова стала советской

16 ноября 1919 года белые ушли из Тары, а в 10 часов пришла первая разведка красных.

Встретили их, как рассказывает тов. Хруцкий, с хлебом и солью около сельской больницы. Рабочих и обывателей присутствовало при встрече свыше 100 человек.

В час дня в Тару вошла рота красных бойцов.

Сюда же пришли и красные партизаны.

Мы со своим отрядом, — рассказывает тов. Литвинов, — в Таре присоединились к 5-й армии, явившись к командиру бригады, тов. Мрачковскому. С ними мы поехали дальше за отступающими белыми.

²⁷ Деревня Короленка Ново-Уйского сельского совета Седельниковского района Омской области.

²⁸ Сухимка.

²⁹ Со слов тов. Хруцкого.